В. П. Богданов

ИСТОРИЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ МОСКВА И МОСКОВСКАЯ ПРЕССА КОНЦА XIX ВЕКА

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ДЛЯ БАКАЛАВРИАТА И МАГИСТРАТУРЫ

Книга доступна в электронной библиотеке biblio-online.ru, а также в мобильном приложении «Юрайт.Библиотека»

Автор:

Богданов Владимир Павлович — кандидат исторических наук, доцент Российской государственной специализированной академии искусств; старший научный сотрудник лаборатории истории культуры Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Рецензенты:

Володин А. Ю. — кандидат исторических наук, доцент кафедры исторической информатики исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;

Георгиева Н. Г. — профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов;

Ульянова Г. Н. — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук.

Богданов, В. П.

Б73

История благотворительности в России. Москва и московская пресса конца XIX века: учебное пособие для бакалавриата и магистратуры / В. П. Богданов. — Москва: Издательство Юрайт, 2019. — 353 с. — (Авторский учебник). — Текст: непосредственный.

ISBN 978-5-534-10031-0

В предлагаемом учебном пособии различные явления и процессы благотворительности конца XIX в. рассмотрены на материалах российской периодической печати — источнике, не привлекавшемся прежде для этих целей. Анализируются типы и виды публикаций о благотворительности. Методике работы с ними посвящен отдельный раздел книги.

Автору удалось воссоздать коллективный образ московского благотворителя, проследить особенности функционирования системы общественного призрения в условиях модернизации и одновременного сохранения патриархальных форм, рассмотреть дискуссии о путях развития благотворительности в Москве и России в целом, получить представление о том, кому оказывали помощь многочисленные благотворительные организации.

Содержание книги соответствует актуальным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования.

Пособие может быть полезно москвоведам, историкам благотворительности, источниковедам, журналистам и всем интересующимся прошлым России.

УДК 316.35(075.8) ББК 63.3(2)522я73

Бее права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая компания «Дельфи».

[©] Богданов В. П., 2019

[©] ООО «Издательство Юрайт», 2019

Оглавление

Введение	6
1. Благотворительность в России к концу XIX века	12
1.1. Как изучали историю российской благотворительности	
1.2. Неимущие: кому оказывали помощь	
московские благотворители	24
1.3. Традиционные формы благотворительности	33
1.4. Институты российской благотворительности	43
1.5. Дискуссия о благотворительном налоге	
и действующих лицах благотворительности	51
2. Московская ежедневная пресса	58
2.1. Из истории изучения периодической печати	
2.2. Место периодической печати в комплексе источников	
по истории благотворительности	68
2.3. Московские ежедневные газеты 1894—1898 гг	
«Московские ведомости»	
«Русские ведомости»	
«Московский листок»	
«Новости дня»	
«Русский листок»	
«Русское слово»	
2.4. Типы и виды публикаций о благотворительности московских	
ежедневных газет	110
2.5. Московская читательская аудитория	123
2.6. Общественно-политическая направленность изданий	
и их взгляды на благотворительность	129
3. Инструментарий историка и методы работы с прессой:	
зачем нужны базы данных	138
3.1. Искажение информации, или кто и зачем пытается обмануть	100
историка	142
3.2. Формализация и методы анализа информации	
о благотворительности	150
3.3. Информационные потоки московских газет:	
общая и уникальная информация разных изданий	161
3.4. Информация ежедневной прессы в контексте с другими	
источниками	171
3.5. Факторы, влияющие на объем информации	
о благотворительности	176

4. Московская благотворительность конца	
XIX в. по материалам ежедневной прессы	192
4.1. Кем на самом деле был московский благотворитель	193
4.2. Основные направления благотворительности	222
4.3. Мотивы благотворительности	250
4.4. Развитие системы централизованного общественного призрения.	252
4.5. Благотворительные общества	259
4.6. Несколько слов о рабочем образовании	282
Заключение. Благотворительность как компенсационный	
механизм и гражданское общество в России	. 295
Список сокращений	. 300
Источники и библиография	327
Именной указатель	. 339
Новые издания по дисциплине	

И русский люд, перед которым Вотще слеза не пролита, Который под земным позором В убогом нищем чтит Христа.

А. Н. Майков

Мы настолько привыкли к газетам, что перестали их воспринимать как ежедневное чудо. Между тем чудо уже в том, что газеты выходят каждое утро, даже если накануне абсолютно ничего не случилось; но то чудо — редакционная тайна...

К. Чапек. Похвала газетам.

Введение

Подписчики московских газет 11 декабря 1894 г. вместе с почтой получили извещение от городского головы (им в то время был К. В. Рукавишников), в котором сообщалось, что в ближайшее время планируется ввести городские попечительства о бедных. В задачу новых органов, созданных по инициативе общественного управления, должны были войти забота о неимущих и борьба с нищенством.

Городской голова просил «не удовлетворять получаемых на дому прошений, а передавать их вместе с жертвой местному попечительству

и не поощрять уличного нищенства, чтобы нищие привыкли обращаться в попечительства и в городские присутствия по разбору о просящих милостыни». Как гласило извещение, «уверенный в постоянной готовности москвичей содействовать святому и благостному делу помощи неимущим», городской голова «покорнейше просит всех жителей (курсив источника — В. Б.) Москвы, без исключения и без различия звания и пола, занятий и средств, богатых и бедных, старых и молодых, вступать в ряды попечительств, чтобы из нас не было бы никого, кто не вносил бы своей лепты в общее доброе дело, чтобы совесть

Puc. 1. Московский городской голова К. В. Рукавишникова

каждого была покойна при встрече с нищим и при мысли о горькой нужде, гнездящейся в нашем городе».

В этом событии примечательно многое.

Во-первых, налицо настолько широкий размах частной бескорыстной помощи, осуществляемой через пожертвования, что именно она мыслится основным источником финансирования нового дела.

Во-вторых, мы видим попытку подчинить традиционные и во многом стихийные формы благотворительности довольно четкой регламентации.

B-третьих, призыв к новому делу осуществлен через периодическую печать.

Многие проблемы, стоявшие перед российским обществом более 100 лет назад, актуальны и теперь! Конечно, теперь любой владелец пластиковой карты, проводя операцию в банкомате, может

простым нажатием клавиши совершить пожертвование на любые цели. Зритель каких-нибудь телевизионных конкурсов, голосуя СМС-сообщением за понравившегося кандидата, нередко тоже становится участником благотворительных акций: очень часто вырученные деньги хотя бы частично идут в детские дома, больницы и т. п.

В конце XIX — начале XX вв. представить такое было невозможно. Но и тогда, и сейчас были нуждающиеся, и тогда и сейчас общество надеялось облегчить их положение.

Попытка проследить, насколько в конце XIX в. сохранялись традиционные черты благотворительности и как они трансформировались, уступая место новым, — основная цель предлагаемой книги.

Поскольку по формам благотворительности, структуре ведомственных, сословных, конфессиональных и прочих благотворительных организаций Москва была ближе к другим крупным городам, чем к Санкт-Петербургу¹ (ее издавна называли «благодетельницей», «всероссийской богадельней»), московский опыт общественного призрения лег в основу благотворительной системы других городов. Именно поэтому Москва и была выбрана в качестве территориальных рамок исследования.

* * *

Конец 1990-х — 2000-е гг. (а именно в это время автор обратился к истории благотворительности), стал периодом, когда тема, не разрабатываемая в советское время, стала одной из самых популярных в научной и научно-популярной литературе. На страницах книг, журналов, газет, а потом и в интернете появились биографии видных благотворителей прошлого (это нередко связано с реабилитацией тех фигур, которые были высвечены в советской историографии с негативной стороны), истории государственных и муниципальных органов социальной помощи и т. д.

Так получилось, что в исследованиях (подробный обзор историографии по истории благотворительности и изучению прессы дан соответственно в первой и второй главах книги) до сих пор не решен вопрос того, кто являлся основным субъектом благотворительности. Если сейчас можно достаточно хорошо представить деятельность крупных российских филантропов, то кем были тысячи людей, на чью помощь так рассчитывал московский городской голова в своем обращении от 11 декабря 1894 г., еще в значительной степени неясно.

Связано это с тем, что до сих пор не введен в научный оборот такой источник, который предоставил бы историкам репрезентативную, систематическую информацию о самых широких слоях российских благотворителей. Схожим образом обстоит дело и с изучением деятельности благотворительных обществ. Если в историографии есть хорошие примеры реконструкции историй разного рода филантропических

 $^{^1~}$ *Ульянова Г. Н.* Благотворительность в Российской империи. XIX — начало XX века. М., 2005. С. 305—308.

организаций, то вопрос об эффективности их деятельности практически не поставлен.

Примечательно, что в литературе и современном законодательстве о благотворительности нет четкого определения самого этого понятия и критериев, которые его характеризуют. Современники то отождествляли благотворительность и общественное призрение¹, то разделяли их². В настоящее время в историографии благотворительность и меценатство то выступают как синонимы (иногда к ним даже добавляется и коллекционерство³), то эти понятия разводятся... Даже в ставшей классической работе Ю. С. Степанова⁴ рассмотрение перечисленных терминов отсутствует; не нашлось места благотворительности (за исключением элементов общинной этики) и в обобщающей работе Б. Н. Миронова⁵. То благотворительность выступает как профессиональная⁶ или конфессиональная⁷ черта, то как всеобщее явление; то она преподносится как нечто инновационное⁸, а то — как сугубо традиционное.

¹ См. об этом подробнее: Ульянова Г. Н. Указ. соч. С. 96.

 $^{^2~}$ Общественное призрение и благотворительность в России // Россия. Энциклопедический словарь. СПб., 1898. С. 421.

³ Гавлин М. Л. Меценатство и благотворительность // Очерки истории русской культуры. Конец XIX — начало XX вв. Т. 2: Власть. Общество. Культура. М., 2011. С. 605—711; Володихин Д. М., Федорец А. И. Традиции православной благотворительности. М., 2010.

⁴ Ствепанов Ю. С. «Константы»: словарь русской культуры. М., 2004 (или последующие издания).

⁵ *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начала XX вв.) Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1, 2. СПб., 1999.

 $^{^6}$ «Благотворительность как важная сфера социальной практики стала одной из доминант групповой самоидентификации предпринимателей». *Ульянова Г. Н.* Благотворительность московских банков // Предпринимательство и городская культура в России, 1861—1914. М., 2002. С. 96.

⁷ Д. М. Володихин и А. И. Федорец приводят «примеры работ разного уровня научной основательности, где более или менее отчетливо проговаривается тезис о некоей исключительной роли старообрядческих предпринимателей в отечественной благотворительности». Липаков Е. В. Благотворительная деятельность старообрядческих кущов во второй половине XIX — начале XX веков. URL: http://dakazan.ru/2009—07—16/blagotvoritelnaya-deyatelnost-staroobryadcheskix-kupcov-vo-vtoroj-polovine-xix-nachale-xx-vekov/; Пыжиков А. Российская экономика: происхождение и специфика. URL: http://www.iet.ru/files/text/policy/2006_10/3.pdf; Русские меценаты и отечественная культура. Введение. URL: http://www.rus-lib.ru/book/35/47/003—016.html; Колтыпина М. Любитель древнецерковного пения: промышленник и меценат Арсений Иванович Морозов // Свой. 2009. № 1. В этот же список попала и статья автора этих строк (Богданов В. Старообрядческое купечество // Слово церкви. Спец. вып. 100 лет первого съезда старообрядцев. Май 2000. С. 18—23). Пользуясь случаем, хочу оговориться, что «педалирование» на исключительной роли старообрядцев (хотя я вовсе и не ставил такой задачи) может объясняться самим юбилейным характером издания.

⁸ Нувахов Б. Ш., Лаврова И. Г. Этапы развития милосердия и благотворительности в России XVIII—XX вв. // Проблемы социальной гигиены и истории медицины. 1995. № 4. С. 29—52; Соколов А. Р. Российская благотворительность в XVIII—XIX веках (к вопросу о периодизации и понятийном аппарате) // Отечественная история. 2003. № 1. С. 147—158.

С этой точки зрения книга, которую вы держите в руках, претендует на то, чтобы внести свою лепту в решение данного вопроса. Пока же заметим, что под благотворительностью автором подразумевается бескорыстная добровольная помощь, оказанная частными лицами нуждающимся, не способным самостоятельно обеспечить себя необходимыми средствами¹. При этом «основным критерием для проведения границы между функцией государства и частной деятельностью (собственно благотворительностью) в деле помощи нуждающимся является тип финансирования (из государственного бюджета или из доходов частных лиц) и институциональное оформление этой помощи (государственный или гражданский характер заведения, акции, отдельного случая)»². Внутри благотворительности можно выделить филантропию (социальную помощь), меценатство (покровительство науке и искусству), пожертвования на общественные нужды (например, городское благоустройство) и помощь церкви.

Когда автор приступал к теме благотворительности, естественно, возник вопрос, на каком материале ее изучать. Мемуарная литература (в частности, в 1998 г. вышли воспоминания В. П. Зилоти, дочери П. М. Третьякова³) и без того постоянно привлекает внимание исследователей, да к тому же охватывает только крупные имена. Делопроизводство городской думы, сословных и благотворительных обществ было введено в научный оборот (П. В. Власовым, Г. Н. Ульяновой и др.). А вот ежедневная пресса, в отличие от специальных журналов, еще не привлекалась в качестве основного источника исследований истории благотворительности. И это при том, что интерес к периодической печати как к историческому источнику чрезвычайно возрос!

В литературе показано, что к концу XIX в. ежедневная пресса в наибольшей степени аккумулировала в себе информацию об общественно значимых явлениях прошлого (а то, что благотворительность была именно таким явлением, не вызывает сомнения). Это обстоятельство и утвердило автора в выборе источника. Обращение к таким газетам, как «Русские ведомости» или «Московский листок», показало, что на страницах прессы можно увидеть не только уже привычные (но от этого не менее значимые) имена Морозовых, Рябушинских и многих других, но и почти анонимные пожертвования «от храброго Павлика», «от А. Б. Т.» и т. п.

 $^{^1}$ Ульянова Г. Н. Благотворительность // Большая Российская энциклопедия. М., 2005. Т. 3. С. 584.

² При этом, безусловно, благотворительность редко существует в чистом виде. Так, посредником в передаче денег, продуктов питания от частных лиц или их группы может выступать не только общественная организация, но и государственный орган. В этом случае способ социальной коммуникации носит синтетический характер, но может быть определен как благотворительность. См.: Ульянова Г. Н. Благотворительность в Российской империи... С. 19.

³ *Зилоти В. П.* В доме Третьякова : альбом. М., 1998.

Так определился и предмет исследования: *информация московской ежедневной прессы*. Территориальные рамки работы обусловливаются тем положением, которое Москва играла в жизни страны. Время, которое охватывает работа, — с декабря 1894 г. по май 1898 г. — ознаменовалось созданием централизованной (под эгидой городской думы) системы общественного призрения; это и стало определять благотворительную жизнь столицы. К тому же это был относительно спокойный период в истории России (без революционных потрясений, войн, коренных внутриполитических преобразований и т. д.) — в эти годы пресса могла отражать именно типичные явления и процессы в общественной жизни вообще и в благотворительности в частности.

Предмет исследования определил источниковедческий и конкретноисторический контекст раскрытия темы. Цель работы свелась к реконструкции благотворительной жизни в Москве, что требовало изначально определить информационные возможности ежедневной прессы. Поэтому предлагаемая книга состоит из четырех глав, посвященных описанию благотворительности, сложившейся к концу XIX в., обзору источников и методов их анализа, и, наконец, реконструкции благотворительной жизни столицы.

Один из замечательных популяризаторов исторической науки Курт Вальтер Керам, открывший достижения мировой археологии широкому кругу читателей, сказал: «Я советую читателю начать чтение этой книги не с первых ее страниц — я знаю, какое ничтожное впечатление производят все заверения автора о том, что он предлагает вниманию читателей чрезвычайно интересный материал». Автор предлагаемой книги может сказать нечто похожее и о своей работе.

Разным читателям могут быть интересны разные разделы книги (в свою очередь, другие могут показаться скучными). Так, для историков благотворительности интерес будут представлять первая и четвертая главы. Для историков прессы будут интересны вторая и отчасти третья глава. Однако все разделы посвящены раскрытию сущности одного явления, основного объекта исследования — благотворительности.

Третья глава потребовала больше всего работы. Связано это с повышенным интересом к периодической печати как источнику. Однако отношение к ней в значительной степени потребительское. Исследователи просто черпают из прессы сведения, относящиеся к их темам, не задумываясь об их природе, информационной ценности и т. д. В свою очередь, автор книги решил поделиться личным опытом анализа этого источника, предложить свои решения ряда проблем. И хотя это значительно утяжеляет книгу, как представляется, такой шаг оправдан для дальнейшей выработки источниковедческих приемов работы с прессой.

Следует заметить, что на рубеже 1990—2000-х гг. поменялась не только источниковая (многие новые ресурсы привлекли внимание или просто стали доступны авторам), но и техническая база исследования. На смену «амбарным книгам» или разрозненным листам, куда

исследователи переносили выявленную информацию, пришли компактные ноутбуки. Персональный компьютер превратился в основное средство фиксации, организации и, конечно, анализа информации. С этой точки зрения грешно было бы не воспользоваться возможностями новой техники, чтобы рассмотреть с нового ракурса постоянно обсуждаемые вопросы.

Основу книги составила работа автора «Периодическая печать как источник по истории благотворительности (на пример Москвы и московской прессы 1894—1898 гг.)», защищенная в 2006 г. в качестве кандидатской диссертации (научный руководитель — доктор исторических наук, профессор И. В. Поздеева). Работа продолжилась и после указанного года. Впрочем, предлагаемая читателю книга, — это не только результат архивных и библиотечных изысканий автора. Она была бы невозможна без поездок по местам сохранения русской традиционной культуры, общения с потомками видных благотворителей.

К сожалению, когда работа над книгой была почти закончена, ушли из жизни два человека, без которых пособие было бы другим: дочь последнего владельца Трехгорной мануфактуры Вера Ивановна Прохорова (1918—2013) и выдающийся ученый, москвовед Сигурд Оттович Шмидт (1922—2013). Без их рассказов, уточнений, разбросанных по тексту со ссылкой или без ссылок на них, это издание трудно себе представить.

Книга была бы невозможна и без помощи моей семьи, члены которой читали и обсуждали отдельные разделы исследования. Особую роль сыграли друзья: их советы и критика значительно помогли при сборе материала и написании текста. Отдельное спасибо коллегам по кафедрам источниковедения отечественной истории, исторической информатики, а также межкафедральной археографической лаборатории и лаборатории истории культуры исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Вынужденный ограничиться лишь общим «спасибо» (просто список лиц, которым автор приносит персональную благодарность, сам по себе составил бы не меньшую по объему книгу), автор приступает к основной части.

1. Благотворительность в России к концу XIX века

Когда при мне превозносят богача Ротшильда, который из громадных своих доходов уделяет целые тысячи на воспитание детей, на лечение больных, на призрение старых — я хвалю и умиляюсь.

Но, хваля и умиляясь, не могу я не вспомнить об одном убогом крестьянском семействе, принявшим сироту-племянницу в свой разоренный домишко.

- Возьмем мы Катю, говорила баба, последние наши гроши на нее пойдут, не на что будет соли добыть, похлебку посолить...
- A мы ее... и не соленую, ответил мужик, ее муж.

Далеко Ротшильду до этого мужика».

Тургенев И. С. Два богача

Вынесенное в качестве эпиграфа стихотворение в прозе И. С. Тургенева заставило автора вспомнить один эпизод. В комнате боевой и трудовой славы исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова хранится интересный документ — воспоминания о видном советском историке, академике АН СССР С. Д. Сказкине. Там есть следующий рассказ:

«Сталинскую стипендиатку Л. Г. <...> внезапно лишили этой стипендии. Она осталась без родителей, и Сергей Данилович нашел способ ежемесячно «доплачивать» ей (видимо, через кассира) разницу между простой и сталинской стипендией. Спустя годы, это стало известно Л. — и она, подсчитав сумму долга, попыталась возвратить его Сергею Даниловичу. Она тогда уже была профессором, и бывший декан не принял у нее тех денег, советуя отдать своим способным, но бедным студентам...»¹.

Кто знает, может, выделенные С. Д. Сказкиным деньги до сих пор помогают людям?

* * *

 $^{^1}$ Запорожец Н. И. Наш учитель Сергей Данилович Сказкин // Архив комнаты боевой и трудовой славы ист. ф-та МГУ. Ф. «Сказкин», Д. Воспоминания Н. И. Запорожец. С. 5.

Помочь людям можно по-разному: передать крупную сумму какой-то абстрактной организации, чтобы та распределила их по своему усмотрению, либо, как тургеневский «богач» или С. Д. Сказкин, лично принять участие в судьбе конкретного человека. В задачи данной главы входит определение общих традиций, влиявших на благотворительность в дореволюционной России (а нередко влияющих до сих пор), общей инфраструктуры, в рамках которых действовали благотворители, благотворительные общества и московская пресса.

1.1. Как изучали историю российской благотворительности¹

История изучения благотворительности сама по себе несет отпечаток времени. Так, дореволюционная литература носит прикладной, если не сказать агитационный, характер. Она явно преследует воспитательные, пропагандистско-дидактические задачи (за исключением небольшого числа работ, авторы которых полностью отрицали значение благотворительности²).

Авторы, считавшие необходимым высказаться по поводу развития благотворительности, стояли на либеральных позициях и желали привить России европейские достижения в этой области. Поэтому для дореволюционной историографии характерны интерес именно к институциональному развитию благотворительности (а вовсе не к личностям благотворителей) и сравнительный анализ российского и европейского опыта.

Собственно историография темы складывалась в 1890-е гг., когда благотворительность в большей степени, чем раньше, стала восприниматься как «фактор общественного благосостояния и прогресса»³. Все это во многом определило ознакомительный, обзорный характер большинства работ. В качестве основных источников в дореволюционных работах используются материалы законодательства и делопроизводства (особенно опубликованные отчеты структур государственных и местного управления).

Примечательно, что две наиболее значимые в плане истории организации благотворительности работы были созданы членами Комиссии К. К. Грота по пересмотру и совершенствованию законодательства об общественном призрении⁴: профессором Санкт-Петербургского

 $^{^1}$ Наиболее полный обзор историографии по теме благотворительности дан в работах Г. Н. Ульяновой. Дабы не перегружать книгу, в данном разделе остановимся лишь на самых общих чертах, характерных для исследований по этой теме.

 $^{^2}$ К последним следует отнести, например: *Бобошко Ф. Л.* Долой филантропов и их учреждения. Николаев, 1912.

³ Одна из работ даже носила подобное название: *Красноперов Е. И.* Благотворительность как один из факторов экономического благосостояния и прогресса. Пермь, 1892.

⁴ О К. К. Гроте и работе комиссии см.: *Хитров А. А.* Константин Карлович Грот — организатор благотворительности и призрения в России во второй половине XIX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 99. С. 17—26.

университета **П. И. Георгиевским** и видным общественным деятелем **Е. Д. Максимовым**.

Как писал П. И. Георгиевский, задача его книги — вызвать интерес у читателя к делу призрения неимущих. Исследователь выводил начало благотворительности еще с библейских времен. Особенно подробно он остановился на формировании системы общественного призрения в городах Западной Европы, дал исчерпывающую характеристику германского опыта в этой области. Именно германскую систему он считал наиболее подходящей для введения в России.

Примечательно, что его работа вышла в канун открытия участковых попечительств о бедных в Москве¹, в основу которых была положена так называемая Эльберфельдская система (по названию германского города, где она была впервые применена).

В том же году Е. Д. Максимовым был опубликован историко-статистический очерк благотворительности и общественного призрения в России². Автор, как и в ряде других статей, показывал неудовлетворительную постановку общественного призрения в России, особенно в деревне. Забегая вперед, скажем, что Е. Д. Максимовым была разработана методика определения количества нуждающегося населения.

Через три года вышла работа **В. Ф. Дерюжинского**, в которой уже учтен опыт работы московских попечительств о бедных³. Основное внимание было уделено системе общественного призрения Англии и Германии, опыт которых автор исследования считал для России наиболее приемлемым.

Как представляется, работы 1890-х гг. должны были подготовить русское общество к грядущим преобразованиям в деле благотворительности. Наиболее четко «дидактичность» прослеживается в статье В. И. Герье, написанной им для энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона как очерк об общественном призрении⁴.

До революционных событий 1917 г. вышел ряд специальных работ по истории благотворительности в Москве⁵. Авторы выделяли следуюшие вехи:

- первая (до 1887 г.), характеризовалась полным отсутствием участия органов городского управления в деле благотворительности;
- вторая (1887—1894 гг.), ознаменовалась постепенным переходом государственных учреждений общественного призрения (богаделен, приютов и т. д.) под юрисдикцию московской думы;

¹ Георгиевский П. И. Призрение о бедных и благотворительность. СПб., 1894.

² *Максимов Е. Д.* Историко-статистический очерк благотворительности и общественного призрения в России. СПб., 1894.

³ Дерюжинский В. Ф. Заметки об общественном призрении. М., 1897.

 $^{^4}$ *Герье В. И.* Общественное призрение // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. XXV (49). СПб., 1898. С. 165—177.

⁵ Каменецкая Е. Н. Благотворительная деятельность московского городского общественного управления. М., 1896. Подобная периодизации была полностью повторена в другом издании: Общественное призрение Московского городского управления. М., 1914.

— третья (с 1894 г.) характеризовалась созданием централизованной системы общественного призрения в Москве.

В работах В. И. Герье, В. Ф. Дерюжинского и Е. Д. Максимова 1894 г. (введение городских попечительств о бедных в Москве) также характеризуется как начало принципиально нового этапа московской благотворительности.

В советское время благотворительность стала восприниматься как черта классового общества («оружие буржуазии для более удобного управления пролетариатом»¹), и ее изучение представлялось лишенным социальной и научной актуальности. Впрочем, именно в советский период историография активно сосредоточилась на социальноэкономической проблематике.

В 1960—1980-е гг. это определило освоение обширного фонда статистических источников, различных делопроизводственных документов и прочего, что повлекло за собой и выработку новых методов. В значительной степени этот историографический багаж уже в 1990—2000-е гг. позволил в достаточно короткий срок восполнить многие лакуны в истории дореволюционной благотворительности.

Поскольку долгое время историография благотворительности не пополнялась работами отечественных авторов, в 1920—1980-е гг. инициатива в ее изучении перешла к зарубежным (в первую очередь англо-американским) исследователям. Зарубежную историографию отличает высокий уровень философского и методологического осмысления данного исторического феномена, что объясняется более длительным и, что самое главное, непрерывным процессом исследования социальных проблем.

Для англо-американской историографии также характерен институциональный подход. В частности, иностранные авторы первыми описали функционирование отдельных организаций в деле призрения бедных².

Есть также интересные работы, раскрывающие личный вклад отдельных деятелей в развитие благотворительности. В частности, участие женщин в благотворительности. Как показала **А. Линденмайер**, именно эта область давала возможность дамам играть ключевую роль в развитии гражданского общества в самодержавной России³.

Подобное направление было подхвачено в дальнейшем и отечественной историографией. В области изучения вклада женщин в разви-

¹ Большая Советская энциклопедия. 2-е изд. М., 1950. Т. 5. С. 278.

 $^{^2}$ В этом плане примечательно, что переводчик статьи 1994 г. не нашел адекватного перевода Municipal Guardianships of the Poor. Термин этот, обозначающий конкретное российское историческое явление (участковые попечительства о бедных) был переведен как районные попечительства о бедных: Бредли Дж. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 77—89.

³ Lindenmeyer A. Public Life, Private Virtues: Women in Russian Charity, 1762—1914. Sings: Journal of Women in Culture and Society, 1993, vol. 18, no. 3, pp. 562—591.

тие благотворительности накоплен большой эмпирический материал. Однако иногда создается впечатление, что они были основными субъектами российской благотворительности, что представляется ошибочным. Именно англо-американская историография обратила внимание на проблему безработицы как одного из факторов благотворительности¹, а также наметила пути изучения деятельности органов местного самоуправления в развитии общественного призрения². Выводы, сформулированные зарубежными историографами, можно свести к следующим тезисам.

Ментальной основой русской благотворительности стали православные идеалы, увлечение гуманистическими идеями, осознание интеллигенцией своего служения народу. Именно эти составляющие определили взлет российской благотворительности на рубеже XIX—XX вв.

Развитие благотворительности в России шло теми же путями, что и на Западе. При этом английский и немецкий опыт активно воспринимался деятелями российского общественного призрения.

Развитие благотворительности в России было насильственно прервано Первой Мировой войной и Октябрьской революцией.

Несмотря на значительный размах благотворительности в дореволюционной России, это была не более чем полумера в решении социального вопроса.

Обобщением англо-американского опыта изучения российской благотворительности стала монография А. Линденмайер с образным названием «Бедность не порок»³. Автор первой предприняла целостный обзор всего исторического пути российской дореволюционной благотворительности: от форм государственного и церковного призрения до частной и общественной помощи.

Особенность России, по мнению исследователя, заключается в наличии своего рода культа нищих, что затрудняло организацию действенной помощи им. При этом автор дала портреты разных деятелей российской благотворительности: К. К. Грота, о. Иоанна Сергеева (Кронштадтского) и других — много сделавших для развития новых направлений социальной помощи. Даже сегодня эта книга и последняя монография Г. Н. Ульяновой — наиболее глубокие исследования российской благотворительности.

Новое обращение российских исследователей к теме вызвано переменами в общественной жизни конца 1980-х гг. и реформами, в результате которых возник широкий слой людей, живущих за порогом бедности. Большое количество исследований благотворительности, которые выходят в последнее время, говорит о подъеме интереса к теме.

¹ Bradley J. The Moscow Workhouse and Urban Welfare Reform in Russia. Russian Review, 1982, vol. 41, no. 4, pp. 427—444; Bradley J. Muzhik and Muscovite: Urbanization in the Late Imperial Russia. Berkley, 1895.

² Lindenmeyer A. Russian Experiment in Voluntarism: The Municipal Guardianships of the Poor, 1894—1914. *Jahrbucher fur Geschihte Osteuropas*, 1982, bd. 30, pp. 429—451.

³ Lindenmeyer A. Poverty is not a vice. Princeton, 1996.

Важной вехой стала организация публикации ежегодных сборников статей, посвященных истории этого явления¹. В них помещены исторические, социологические, архивоведческие и историографические исследования различных сторон благотворительности. Эти периодические издания в значительной степени способствуют развитию исследований в указанной области.

В современной литературе есть множество трудов, продолжающих традиции институционального подхода. Одной из первых работ обобщающего характера (хотя и небольшой по объему), посвященной системе общественного призрения, следует считать статью **Я. Н. Щапова**².

Исследователь суммировал достижения дореволюционной историографии и точно сформулировал вывод, что «к началу XX в. в России сложилась обширная и действенная система социального призрения, соединившая в себе наряду с государственными органами также общественные и частные учреждения, причем последние по числу призреваемых занимали первое место». Но, как показал автор, концепция благотворительности, основанной на христианском учении, уже в начале XX в. имела серьезных противников (к ним относились прежде всего последователи идей французского социалиста П. Лафарга)³. В работах описательного характера, рассматривающих структуру российской благотворительности, сохранилось традиционное для дореволюционной историографии деление благотворительности на государственную, церковную, городскую, земскую и частную⁴.

Одним из недавних обстоятельных исследований об институциональном развитии благотворительности стала книга **А. Р. Соколова** и **И. В. Зимина** «Благотворительность царской семьи»⁵. Авторы показывают появление новых форм социальной помощи, организацию новых благотворительных обществ и учреждений, за которыми, в значительной степени, стояли представители правящей династии.

Работы, напрямую касающиеся организации благотворительности в Москве, написаны в основном на материале делопроизводственных документов органов общественного управления и благотворительных учреждений, отложившихся в Центральном историческом

¹ Благотворительность в России. 2001. Социальные и исторические исследования. СПб., 2001; Благотворительность в России. 2002. Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2003; Благотворительность в России. 2003/2004. Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2004; Благотворительность в России. 2004/2005. Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2005.

² *Щапов Я. Н.* Благотворительность в дореволюционной России. Национальный опыт и взгляд на цивилизацию // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М., 1994. С. 84—89.

³ *Щапов Я. Н.* Указ. соч. С. 86.

⁴ См., например: *Лачаева М. Ю., Наумова Г. Р.* Благотворительность // Отечественная история с древнейших времен до 1917 г. Энциклопедия. М., 1994. Т. 1. С. 240—242.

 $^{^5}$ Соколов А. Р., Зимин И. В. Благотворительность царской семьи. XIX — начало XX вв. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М. : Центрполиграф, 2015. $604~\rm c.$

архиве г. Москвы (ЦИАМ), а также органах периодической печати московской городской думы.

Основные этапы формирования и составные элементы системы общественного призрения в Москве выделила Л. Ф. Писарькова¹. Они совпадают с картиной, данной дореволюционной литературой.

В 2000 г. вышла статья **О. В. Кузовлевой**, посвященная организации и деятельности городских участковых попечительств о бедных в Москве². Как и дореволюционные авторы, О. В. Кузовлева охарактеризовала создание участковых попечительств как важный этап в развитии московской системы общественного призрения, обратила внимание на сложные условия работы попечительств и трудность решения задач, которые перед ними стояли.

В общем русле изучения институционального развития российской благотворительности выдержаны и работы Π . В. Власова³, носящие популярный, очерковый характер. При этом автор ввел в научный оборот много новых архивных данных. Он показал судьбу учреждений на протяжении столетий: Ново-Екатерининской больницы (ныне это городская клиническая больница \mathbb{N}° 24), Детской больницы имени княгини С. С. Щербатовой (ныне — имени Н. Ф. Филатова) и др.

В работах Власова история благотворительных организаций показана через судьбы людей, принимавших участие в их становлении и развитии. Исследователь доказал, что основными субъектами благотворительности были члены царской фамилии, представители дворянства, а со второй половины XIX в. — еще и купечества. При этом большой фактический материал книг В. П. Власова дополняется многочисленными иллюстрациями. В книгах приведены портреты известных благотворителей, фотографии благотворительных учреждений, знаки филантропических обществ и т. д.

В рамках институционального подхода наметилось изучение законодательного регулирования благотворительной деятельности в дореволюционной России⁴. Авторы показали, что российское законодательство о благотворительности к 1890-м гг. в значительной степени не соответствовало требованиям времени. До революции лакуны в правовом поле, определявшем регулирование сферы филантропии, закрывались не путем целостного реформирования законодательства, а систематически принимаемыми частными актами⁵.

¹ Писарькова Л. Ф. Московская городская дума. 1863—1917. М., 1998. С. 222—227.

² *Кузовлева О. В.* Город и милосердие (к истории городских участковых попечительств о бедных) // Московский архив. 2000. Вып. 2. С. 350—357.

 $^{^3~}$ Власов П. В. Милосердие в России. М., 1991; Его же. Благотворительность и милосердие в России. М., 2001.

⁴ См., например: *Абросимова Е. А.* Указ. соч.; *Ульянова Г. Н.* Законодательство о благотворительности в России (конец XVIII — начало XX вв.) // Отечественная история. 2005. N° 6. С. 17—32.

⁵ Ульянова Г. Н. Законодательство о благотворительности в России... С. 17—32.

Институциональный подход лежит и в основе двух работ, посвященных периодизации истории благотворительности в России¹. Не вдаваясь в подробности содержания статей, отметим, что, по мнению их авторов, с 1890-х гг. начался новый этап в истории российской благотворительности в целом (они не берут отдельно Москву). По мнению исследователей, этот период характеризуется резкой активизацией благотворительной деятельности российского общества, подключением к ней большего, по сравнению с предыдущими периодами, количества участников, выработкой новых форм и видов организации помощи неимущим.

Важно отметить наблюдение А. Р. Соколова, что благотворительность — всегда инновационная деятельность, «опережающая социальные стандарты, господствующие в практике государства, а зачастую и в сознании общества»².

Этот тезис прекрасно подтверждает исследование **Е. И. Фалько**, посвященное Русскому женскому взаимно-вспомогательному обществу (РЖВБО)³. Автор показала, что в условиях достаточно консервативного правительственного курса в рамках благотворительных обществ вызревали новые типы объединений. Так, РЖВБО стало первым женским объединением, занимавшимся не столько благотворительной деятельностью, сколько организацией разного рода учреждений, где женщины могли бы применить свой творческий потенциал. Для нас работа Е. И. Фалько важна еще тем, что в ней рассматриваются взаимоотношения общественного объединения и государства, показано на практике, как действовало благотворительное общество в рамках существовавшего в то время правового поля.

Характерной же чертой современной российской историографии, в противовес дореволюционной и зарубежной, стал устойчивый интерес к изучению личности российского благотворителя. Правда, нетрудно заметить, что еще с первых работ подобного плана⁴ внимание историков привлекают меценатство и крупная филантропия.

Поскольку подробный анализ современной историографии дан в работах Г. Н. Ульяновой⁵, в данном случае отметим лишь следую-

¹ Нувахов Б. Ш., Лаврова И. Г. Этапы развития милосердия и благотворительности в России XVIII—XX вв. // Проблемы социальной гигиены и истории медицины. 1995. № 4. С. 29—52; Соколов А. Р. Российская благотворительность в XVIII—XIX веках (к вопросу о периодизации и понятийном аппарате) // Отечественная история. 2003. № 1. С. 147—158.

² Соколов Р. А. Российская благотворительность в XVIII—XIX веках... С. 155.

³ Фалько Е.И. Русское женское взаимно-вспомогательное общество (1895—1918) (реконструкция документального комплекса). М., 2003.

⁴ *Боханов А. Н.* Коллекционеры и меценаты Москвы. М., 1989; *Думова Н. Г.* Московские меценаты. М., 1992.

⁵ Ульянова Г. Н. Изучение социальных аномалий, благотворительности и общественного призрения в России // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. С. 405—427; *Ее же.* Изучение истории благотворительности в России: тенденции и приоритеты (1989—2002 гг.) // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. СПб., 2003. См. также пара-

щее. Изучение деятельности благотворителей проходило в условиях реабилитации предпринимательского сословия. Если **А. Н. Боханов** и **Н. Г. Думова** отмечали, что благотворительность была сферой деятельности лучшей части российской предпринимательской элиты, то историография 1990-х гг. представляла благотворительность как общественное служение предпринимательского сословияв целом и неотъемлемую составляющую предпринимательской этики¹.

В эти годы вышло много работ, посвященных русскому купечеству как основной движущей силе благотворительности. В этом велика заслуга потомков знаменитых предпринимательских семей. Их труды значительно способствовали популяризации темы благотворительности как важнейшего направления общественного служения предпринимателей².

Положительный вклад во введение в научный оборот новых материалов сыграли и такие современные организации, как Дворянское и Купеческое собрания, Общество купцов и промышленников России, Историко-родословное общество, Музей российских предпринимателей и благотворителей — их деятельность напрямую направлена на пропаганду культурных и социальных достижений дореволюционной истории России.

Наиболее ярко благотворительность как часть предпринимательской этики представлена в монографии **Г. Н. Ульяновой**³. В поле зрения исследователя оказались предприниматели, которые передавали свои пожертвования через Московскую думу и Купеческое общество.

Выбор этих учреждений объясняется тем, что они являлись формами общественно-политической организации, порожденными не альтернативными, но параллельными пластами социальной практики. Они не были государственными организациями и, соответственно, пожертвования, вносимые в них, не приносили жертвователям чинов и наград, представляя тем самым высшую степень свободного волеизъявления.

В работе рассмотрены пожертвования размером от 10 000 руб. Таким образом, Г. Н. Ульянова также ограничила свое исследование крупной благотворительностью. При этом внимательно изучены периодическая печать московского городского управления, материалы делопроизводства городской думы и Купеческого общества, документы личного происхождения (как опубликованные, так и неопубликованные) и т. п.

граф «Изучение истории российской благотворительности современными отечественными исследователями (1989—2004)» в книге Г. Н. Ульяновой «Благотворительность в Российской империи...».

¹ См., например: Русский торгово-промышленный мир. М., 1993; 1000 лет русского предпринимательства: из истории купеческих родов. М., 1995; Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX в. М.,1997.

 $^{^2~}$ Например: *Красильщиков А. П., Сафронов В. Д.* Фабриканты Красильщиковы. М., 2000.

³ Ульянова Г. Н. Благотворительность московских предпринимателей. М., 1999.

На этой основе Г. Н. Ульянова выделила в качестве направлений благотворительности московских предпринимателей «помощь бедным вообще», «помощь бедным невестам», «пожертвования на богадельни и больницы», «пожертвования на церковные нужды»¹. При этом реконструированы истории крупных пожертвований и показано, что для многих благотворителей пожертвования (особенно завещания) представляли собой способ наказания неугодных наследников.

Исследователь сделала принципиальное наблюдение: именование и цели пожертвований позволяют судить о ментальных установках самих жертвователей. В конце книги приведен просопографический словарь из 250 фамилий московских благотворителей. Все фигурирующие в списке — представители предпринимательского мира Москвы.

Другая неоднократно упомянутая монография Г. Н. Ульяновой обобщила многолетнюю работу и подвела итог современному развитию мировой и отечественной историографии российской благотворительности. В центре внимания исследоваетля оказалась преимущественно городская благотворительность, поскольку именно в городе ее социальная функция в условиях развития капитализма проявилась наиболее отчетливо.

Автор привлекла в большей или меньшей степени данные всех видов источников (преимущественно это материалы законодательства, делопроизводства и специальных справочников). Проследив институциональное развитие благотворительности, деятельность частных филантропов, Г. Н. Ульянова сформулировала принципиальный вывод: «Если в первой половине XIX в. инициатива в развитии благотворительности принадлежала элитным слоям общества, прежде всего образованного дворянства, и эта инициатива осуществлялась под покровительством царской власти, то после отмены крепостного права и других реформ 1860—1870-х годов, среди которых наибольшую значимость для развития благотворительности имели земская и городская реформы, был дан толчок проявлению общественной активности, а точнее — тех его кругов, которые имели возможность участвовать в благотворительной деятельности»².

Эта активность оказалась востребованной в условиях урбанизации. При массовой пауперизации благотворительность стала важнейшим компонентом саморегуляции общественного организма. При этом благотворительность при капитализме была на пользу не только неимущим, но и самим жертвователям, поскольку способствовала становлению общественного реноме крупных филантропов.

Развитие благотворительных институций в каждую эпоху было связано с существующим политическим положением, а также с влиянием

 $^{^1}$ Безусловно, помощь бедным вообще включает в себя помощь бедным невестам. Однако по какой-то причине московские благотворители выделяли последнее в адресации своих пожертвований.

² Ульянова Г. Н. Благотворительность Российской империи... С. 383.

умонастроений образованных слоев населения. В целом благотворительность в России шла по западному пути (многие элементы общественного призрения были заимствованы из английского и немецкого опыта), однако исторический опыт России в значительной степени обусловливал особый вариант этого развития, что проявлялось, в частности, в сильном влиянии христианской традиции милостыни на формы общественного призрения. При высокой степени централизации власти в Российской империи самоуправляющиеся благотворительные организации выступали в качестве элементов формирующегося гражданского общества.

Впрочем, постоянный акцент на размахе предпринимательской благотворительности создает впечатление, что этот социальный слой был едва ли не монополистом в данной области. Именно на примере предпринимательства показаны и религиозные основы благотворительной деятельности¹.

В наши дни вышел ряд работ, в которых рассмотрена социальная политика крупных предпринимателей в отношении рабочих своих предприятий². Это, конечно, не благотворительность в чистом виде. Однако грань между законодательным предписанием, прагматизмом и бескорыстной помощью здесь провести трудно.

Как констатирует И. В. Поткина, «Морозовы... сознавая свою социальную ответственность перед обездоленным наемным рабочим, трудом которого пользовались, постепенно преодолевали узкосословный эгоизм. При этом они исходили из чисто делового прагматизма, но одновременно опирались и на христианскую мораль помощи ближнему»³.

Авторы книги «Не рублем единым…» убедительно показали, что администрации Товарищества Ярославской Большой мануфактуры и Товарищество мануфактур Н. Н. Коншина «занимались развитием социальных программ в масштабах, заметно превышающих требования закона»⁴.

Более скромный масштаб благотворительности в регионах, более короткий период организованной благотворительной деятельности по сравнению со столицами, где институциональное оформление ее началось намного раньше, позволили местным исследователям изучить объемные и разнообразные по составу материалов источниковые комплексы (делопроизводство органов местного самоуправления, благотворительных организаций, источников личного происхождения и т. д.) и воссоздать достаточно полную картину региональной благо-

 $^{^1}$ См., например: *Ульянова Г. Н.* Религиозные верования и ритуалы в жизни московского купечества // Купеческая Москва: образы исчезнувшей российской буржуазии. М.: РОССПЭН, 2007. С. 106—124.

 $^{^2}$ См., например: *Поткина И. В.* На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797—1917. М., 2004. С. 161—221; *Бородкин Л. И., Валетов Т. Я. и др.* «Не рублем единым»: трудовые стимулы рабочих-текстильщиков дореволюционной России. М., 2010. С. 83—123, 161—331.

³ Поткина И. В. На Олимпе делового успеха... С. 321.

⁴ Бородкин Л. И., Валетов Т. Я. и др. Указ. соч. С. 356.

творительности. Местные исследователи показали роль благотворителей не только в организации филантропических или просветительских учреждений, но и в создании инфраструктуры региона (внедрению таких общественно важных нововведений, как водопровод, городской транспорт, освещение и т. п.). Тем самым выделено особое направление благотворительности — сборы на общественные нужды (как правило, нужды того города, в котором живут благотворители)¹.

В 2010-е гг. интерес к благотворительности снизился и ее изучение вошло в строго академическое русло, что отличается от российской историографии 1990-х гг.

Таким образом, предшествующей историографией благотворительности накоплен большой конкретно-эмпирический материал. Исследования строятся на законодательных актах, делопроизводственных документах, источниках личного происхождения. Благотворительность рассматривается как широкое явление, вызванное разного рода социальными аномалиями. В исследованиях обращается внимание на инновационность благотворительности.

На рубеже XIX—XX вв., в силу общей рационализации социальной сферы, благотворительность осуществлялась не напрямую, а через обширную когорту посреднических организаций, совокупность которых получила название системы общественного призрения. В ряде исследований, преимущественно дореволюционных, даны описания этой системы, однако в историографии до сих пор нет четкой картины ее структуры и функционирования. Практически все работы по истории благотворительности не дают анализа эффективности этого явления в решении социальных проблем.

Период 1890-х гг. оценивается всеми исследователями как начало нового этапа в истории российской благотворительности. В этом плане Москва стала передовым городом, в рамках которого в 1894—1898 гг. под эгидой городской думы была создана принципиально новая централизованная система общественного призрения.

В историографии доказано, что основной финансовой силой благотворительности на рубеже XIX—XX вв. была предпринимательская элита. Именно на материале крупных пожертвований определены направления благотворительной деятельности. Но до сих пор нет

¹ Например, современными пермскими исследователями установлено, что городской сад был организован на средства местного купечества (1882); городские торговые лавки Кунгура были построены и на средства М. И. Грибушина и пожертвованы им городу (1874); водопровод Кунгура был организован на средства купца Я. А. Колпакова (1890—1900-е гг.). См.: Баяндина Н. Пермь купеческая. Пермь, 2002. С. 32; Мушкалов С. М. Грибушины. Право на память и уважение. Кунгур, 2000. С. 22—25; Семенов В. Л. М. И. Грибушин: человек, благотворитель, общественный деятель. Пермь, 2000. С. 34; Головко Д. Кунгурский первой гильдии купец Яков Колпаков // Грибушины и время. Кунгур, 2000. С. 74. В качестве отдельного направления в благотворительности о пожертвованиях на нужды города (на них приходится 11% всех случаев передачи сумм) говорится и монографии Е. Комлевой. См.: Комлева Е. В. Енисейское купечество (последняя половина XVIII — первая половина XIX века). М., 2006. С. 208—218 (параграф «Попечительство и благотворительность»).

социокультурного портрета благотворителя в целом. Вопрос о том, были ли предприниматели основным субъектом благотворительности не только в финансовом, но и в социальном плане, не решен и, можно сказать, даже не поставлен в историографии.

В свою очередь рассмотрение в качестве субъектов благотворительности не только представителей элиты, но и рядовых обывателей должно уточнить и сами направления, и характер благотворительности. Кроме того, это позволит проследить влияние традиционных форм оказания социальной помощи на благотворительность капиталистического общества. Поэтому в исследовании должны быть учтены не только акты передачи сумм, но и деятельность благотворительных организаций, информация о которых также нашла отражение в периодической печати.

1.2. Неимущие: кому оказывали помощь московские благотворители

Благотворительность можно относить к таким социальным представлениям, «которые усваиваются автоматически, поскольку имеют основания в коллективном бессознательном, в национальном характере народа, затрагивают глубинные, архетипические личностные структуры»¹.

Находки останков людей с тяжелыми патологиями в пещере Шанидар (на территории современного Ирака) показали, что социальная помощь была характерна еще для неандертальских обществ 50—70 тыс. лет назад. Древнейшими объектами социальной помощи были старики, больные и сироты. С развитием социальной дифференциации к заботе о стариках, больных и сиротах добавилась еще и помощь неимущим. В дальнейшем количество неимущих постоянно возрастало, и в конце концов они стали наиболее многочисленным объектом благотворительности.

Эти четыре объекта (старики, больные, сироты и неимущие) мы находим и в благотворительности нового времени, однако способы оказания помощи постоянно менялись. О более древних периодах у нас нет точных данных. Но поскольку социальные отношения в деревне менялись не с такой быстротой как в городе, мы можем привлечь данные этнографии, относящиеся к русской деревне XVIII—XXI вв.

Дореволюционных исследователей интересовали не только благотворительность и возможность ее грамотной организации, но и социальный облик тех, кому следовало оказывать помощь. Социологи и этнографы, в частности член комиссии К. К. Грота Е. Д. Максимов, определил число нуждающихся как 4,77 % населения страны (3,2 млн)². В работах других ученых эта цифра варьируется незначительно.

¹ Ивановская О. В. Вера как феномен культуры. Волгоград, 2012. С. 3.

 $^{^2~}$ Максимов Е. Д. Статистические и финансовые вопросы общественного призрения // Новое слово. 1896. $\rm N^{o}$ 6. С. 53.

В 1877 г. вышла книга **С. В. Максимова** «Бродячая Русь Христа-ради», напрямую посвященная нищенству на Руси. Издание занимает промежуточное место между источником, исследованием и художественной литературой. В основу книги легли личные впечатления автора: он изучал общинный и артельный быт крестьян, мастеровых-отходников, заключенных, староверов и сектантов, малых народов Севера.

Известно, что в 1855 г. С. В. Максимов обошел пешком по Владимирской губернии, посетил Нижегородскую и Вятскую губернии, а в 1868 г. был командирован Императорским географическим обществом в Северо-Западный край. В этой поездке он обследовал Смоленскую, Могилевскую, Витебскую, Виленскую, Гродненскую, Минскую губернии. Итогом экспедиций и стала упомянутая книга, в которой описываются различные формы и разновидности нищенства со всеми их культурно-историческими, этнографическими и фольклорными особенностями. В центре внимания автора оказалась сельская Россия.

В 1882—1886 гг. была написана работа **Л. Н. Толстого** «Что же нам делать?». Писатель едва ли не первым обратился к теме нищенства в крупном городе. Интерес к этой проблеме возник в связи с проведением переписи населения Москвы. Как и сочинение С. В. Максимова, эта работа основана на личном опыте автора. Разница заключается в объекте исследования: великий писатель посещал знаменитые Хитров рынок, Ржановскую крепость и другие места для общения с московскими нищими.

Продолжая традиции С. В. Максимова и Л. Н. Толстого, к теме нищенства также обратился и **А. И. Свирский**. В его книге «Погибшие люди: очерки» особый интерес представляет третий том под названием «Мир нищих и пропойц» (1898). В нем автор обратился к теме нищенства в крупном городе, и на сей раз в центре его внимания оказался Санкт-Петербург.

Не обошли указанную тему и профессиональные социологи. В 1899 г. была издана работа французского автора Л. Полиана «Нищенствующий Париж. Действительные и притворные нищие. Зло и способ его искоренения», значительно повлиявшая на изучение нуждающегося населения. На следующий год выходит социологическая работа А. А. Левенстима «Профессиональное нищенство. Его причины и формы. Бытовые очерки».

Дореволюционные авторы часто вырывали из жизненного контекста вопиющие случаи. Например, Л. Н. Толстой свое исследование начинает с рассказа о нищем из дворян. Первый персонаж А. И. Свирского, с которого начинается знакомство читателей с миром «нищих и пропойц», — полковник (т. е. тоже дворянин) Р-в. Дальнейшее описание увиденного Л. Н. Толстым на Хитровом рынке и «Ржановской крепости» практически не содержит отсылок к сословной принадлеж-

 $^{^1}$ Дом в Москве близ Смоленской площади, на углу Проточного и 1-го Никольского (ныне 1-го Смоленского) переулка, где ютились люди городского «дна».

ности. В этой же работе Лев Николаевич дает суммарную оценку количества нищих в Москве: «этих людей теперь в Москве не рота и не полк, а их целая армия, думаю, около 50 тысяч»¹. При этом, говоря об обитателях Ляпинского ночлежного дома, Л. Н. Толстой замечает, что многие из них — пришлые, в силу разных обстоятельств оказавшиеся в Москве:

«Я спросил, откуда он. Он охотно ответил и заговорил; другие приблизились. Он смоленский, пришел искать работы на хлеб и подати. "Работы, — говорит, — нет, солдаты нынче всю работу отбили. Вот и мотаюсь теперь..."... Грея руки, он рассказывал мне свои похождения. Похождения или рассказы про похождения почти все одни и те же: была работишка, потом перевелась, а тут в ночлежном доме украли кошель с деньгами и с билетом. Теперь нельзя выйти из Москвы. Он рассказал, что днем он греется по кабакам, кормится тем, что съедает закуску (куски хлеба в кабаках); иногда дадут, иногда выгонят; ночует даром здесь в Ляпинском доме. Ждет только обхода полицейского, который, как беспаспортного, заберет его в острог и отправит по этапу на местожительства. "Говорят, в четверг будет обход, — сказал он, — тогда заберут. Только бы до четверга добиться"... Пока он рассказывал, человека три из толпы подтвердили его слова и сказали, что они точно в таком же положении»².

Несколько дополняет рассказ Л. Н. Толстого И. А. Белоусов. Согласно ему, значительный контингент Хитрова рынка — мастеровые, причем, как правило, высокого класса: «Все лучшие мастера были большими пьяницами, и надо прибавить еще — скандалистами: они чувствовали свое превосходство перед другими, главенствовали в мастерских, и из-за этого часто происходили скандалы, побоища и драки. Такие мастеровые тоже не могли ужиться на одном месте и часто, совершенно спившись, попадали на Хитровку». При этом «большинство рабочего люда ничем не было обеспечено на случай инвалидности или старости, не было ни охраны труда, ни социального страхования и обеспечения, вот почему рабочий люд инстинктивно держался за деревню и не порывал с ней связи: ему было ясно, что если он потеряет способность к труду в городе, то найдет приют в деревне...»³. Таким образом, Хитров рынок — главное сосредоточие нищенства —был местом пребывания пришлых «искателей счастья».

Как представляется, именно публицисты уловили основную причину тщетности борьбы с нищенством. Л. Н. Толстой, решивший лично заняться решением проблемы нищенства, посетил центр московской нищеты — «Ржановскую крепость». Здесь он увидел людей абсолютно таких же, среди которых сам жил — «более или менее дурных, более или менее счастливых, более или менее несчастных». Он пытался взять оттуда в свой дом бесприютного ребенка, но тот через некоторое время

¹ *Толстой Л. Н.* Так что же нам делать? С. 169.

² Толстой Л. Н. Так что же нам делать? С. 172.

³ Белоусов И. А. Ушедшая Москва. М., 1998. С. 88—89.

сбежал назад. Мальчик был испорчен возможностью убогой, но беззаботной жизни без труда и распорядка.

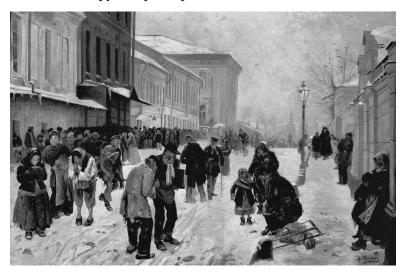

Рис. 2. Маковский В. Е. Ночлежники. 1889

Писатель сравнил себя в попытках благотворительности с врачом, который принес «свое лекарство больному, обнажил язву, разбередил ее и признался сам себе, что все делал напрасно», «что лекарство его не годится»¹. Выяснилось, что сами обитатели «московского дна» не чувствовали себя несчастными, а значит, и не могли адекватно оценить усилия частных благотворителей и городских властей.

Возможно, это и была главная причина тщетности какого-либо регулирования благотворительной жизни в Москве, да, наверное, и в других городах. Примечательно, что лейтмотивом сочинения А. И. Свирского стала мысль, что «все обитатели трущоб больные люди», страдающие «одною болезнью — парализации воли». Причина тщетности организации благотворительности заключалась не столько в каких-либо технических трудностях, сколько в самом подходе. А. И. Свирский в уста своему герою, полковник Р-ву, вкладывает следующие слова: «Материальное и нравственное падение человека совершается с неизменной последовательностью, подготовляя человека ко всевозможным превратностям судьбы»². Видимо, для организации эффективной помощи неимущим нужна была не только материальная база, но и психологическая поддержка.

¹ Голосенко И. А. Нищенство в России (Из истории дореволюционной социологии бедности) // Социологические исследования. 1996. № 8. С. 21. О деятельности Л. Н. Толстого в деле призрения неимущих см. его работу 1882—1886 гг. «Так что же нам делать?» (Толстой Л. Н. Собр. соч. в 22 т. М., 1983. Т. 16. С. 166—399).

 $^{^2~}$ Свирский А. И. Мир нищих и пропойц // Нищенство. ретроспектива проблемы. СПб., 2004. С. 103.

Современных исследователей сам объект благотворительности привлекает мало. До недавнего времени вышло несколько статей¹, посвященных этой теме. В наши дни появилась обобщающее сочинение Н. В. Козловой, в котором проведено изучение «дряхлых, больных, убогих» в Москве XVIII в.² Аналогичная работа по более позднему периоду ждет своего исследователя.

В целом можно сказать, что исследователей интересовала (и интересует) не столько бедность, сколько ее крайняя форма — нищенство. Можно вспомнить известные слова литературного персонажа Мармеладова: «...бедность не порок, это истина... Но нищета, милостивый государь, нищета — порок-с. В бедности вы еще сохраняете свое благородство врожденных чувств, в нищете же никогда и никто. За нищету даже и не палкой выгоняют, а метлой выметают из компании человеческой, чтобы тем оскорбительнее было; и справедливо, ибо в нищете я первый сам готов оскорблять себя» (Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. 1865—1866).

Данный раздел не претендует на полноту. И связано это в первую очередь с тем, что информация о неимущих конца XIX в. не отличается точностью. Причин две. Первая — недостаточный уровень социологии в России того времени. Вторая — стратификация внутри данной социальной группы: современники выделяли непосредственно нищих (живущих на Хитровом рынке или вообще не имеющих жилья и средств к существованию, вынужденных просить милостыню) и тех, кто стоит на пороге нищеты. Грань между этими стратами очень тонкая. Но так или иначе низшую страту исследовать практически невозможно, и более или менее надежные сведения имеются только о второй. Именно ее представители и обращались в различные благотворительные общества.

В работе «Великорусский пахарь» Л. В. Милов отметил: «Отсутствие четкой взаимозависимости между мерой трудовых затрат и мерой получаемого урожая на протяжении столетий не могло не вызвать определенное чувство скепсиса и обреченности у части крестьян...»³ Это явление стало одной из психологических причин нищенства и приводило к тому, что целые области занимались выпрашиванием милостыни как промыслом.

С. В. Максимов красноречиво описал Адовщину — области за рекой Клязьмой, где крестьяне осенью шли на заработки — собирать милостыню. При этом, как ни странно, органы местного самоуправления нередко не видели в этом какой-либо социальной язвы. Примечателен ответ вологодского земства, присланный в комиссию К. К. Грота: «В нищенстве имеются следующие выгодные стороны: 1) нищенство построено на религиозных началах; 2) оно вернее обеспечивает

 $^{^1\;}$ См., например: *Ульянова Г. Н.* Московские нищие // Отечество. Краеведческий альманах. М., 1997. С. 140—158.

² Козлова Н. В. Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII в. М., 2010.

³ *Милов Л. В.* Великорусский пахарь. М., 1998. С. 430.

бедных, чем английская система приходских попечительств; 3) при нищенстве подающий и принимающий приходят в непосредственное соприкосновение, почему подающий знает, что его подаяние дошло по назначению, а принимающий — что ему подано столько, сколько он получил. Во всякой другой форме между призреваемым и призревающим стоит третье лицо или учреждение, почему и возможны сомнения — со стороны призревающих стремление организовать контроль, со стороны призреваемых нарекания на посредников в утайке»¹. Как писал в 1896 г. один из авторов газеты, обозначивший себя как «П-ъ», целые селения в окружающих Москву губерниях занимались прошением милостыни в качестве промысла². Соответственно, многих неимущих привлекали крупные города (и, особенно, Москва), где можно было легко заработать таким образом.

Как показала Н. В. Козлова, Москва уже в XVIII в. «являлась не только центром административной, хозяйственной и культурной жизни страны, но и местом концентрации нищего люда, как имевшего местные корни, так и стекавшегося в первопрестольную из ближних и дальних мест»³. Последнее обстоятельство особенно важно для конца XIX —начала XX в. В докладе И. Н. Мамонтова 1887 г. было сказано, что в тот год было выявлено 9170 чел. в ночлежках; бедных, снимавших углы — 25 226. Из этого числа оказалось 497 дворян, 146 лиц духовного звания и 80 купцов.

Уже по этой констатации возникает ряд вопросов. Например, указано социальное происхождение тех, кто ночевал в ночлежках или снимал углы? Так или иначе, но происхождение указано только в 723 случаях, а на какое сословие приходятся остальные случаи — непонятно. И почему среди бедного люда, социальная принадлежность которых известна, так превалируют дворяне — самое привилегированное и самое малочисленное сословие Российской империи?

Далее в докладе сказано, что детей нищих, проживавших без призора, было выявлено 4689 чел., и к общему количеству следует прибавить большое число тех, кто скрывался и под учет не попал: обитателей Хитрова рынка; ночевавших под мостами, в строящихся домах и т. д.⁴

И все-таки попробуем воссоздать коллективный портрет тех, кто реально мог рассчитывать на социальную помощь в Москве в конце XIX в. Напомним, что по правилам о городских попечительствах о бедных она оказывалась лишь тем, кто жил в столице больше двух лет.

¹ *Левенстим А.* Профессиональное нищенство // Нищенство. Ретроспектива проблемы. СПб., 2004. С. 27.

 $^{^{2}}$ П—ъ. Из дел городского попечителя // Русские ведомости. 1896. № 13. С. 2—3.

³ *Козлова Н. В.* Указ. соч. С. 10.

⁴ В Комиссию о пользах и нуждах Общественных при Московской городской думе: доклад председателя комиссии Ивана Николаевича Мамонтова по вопросу о передаче в ведение Московского городского общественного управления дела разбора и призрения нищих в Москве московским городским общественным управлением. З ноября 1887 г. М., 1887. С. 23.

Аналитические материалы прессы также фрагментарны, как и материалы других источников. Можно сказать, что, согласно им, особое место среди нищих занимают здоровые сильные мужики, выдававшие себя за увечных, которые буквально вымогали, вплоть до угроз, милостыню у прохожих¹. Но наиболее обращающие на себя случаи — не целостная картина. Гораздо больший интерес представляют ведомости пожертвований, присланных в редакции газет. Многие пожертвования были присланы «бедным и больным детям», «сиротам и вдовам», «бедным на усмотрение редакции», но значительная часть имеет конкретного адресата. Пример выявленной информации и способ ее «организации» представлен ниже, в табл. 1.

Таблица 1

Характеристика пожертвований, присланных в редакции газет

Газета	Дата	Номер	Количество пожертвований	Собранная сумма, руб.	На что	Пол	Семейное поло- жение	Социальное поло- жение
«Новости дня»	23.02— 03.03.1896	4565—4574	8	17	В пользу вдовы актера А. П. К.	ж	Вдова	Актер
«Русские ведомости»	13.04.1897	102	1	5	В пользу семейства крестьянки Степаниды	ж	Семья	Крестьянка
«Московские ведомости»	10.03— 23.03.1896	69—82	11	51	В пользу вдовы М. Я. Григорье- вой	ж	Вдова	_

Всего выявлено 2126 адресных пожертвований, в пользу 148 адресатов на сумму 10 548 руб. При этом в 109 случаях мы имеем указание на пол (74 %), в 48 (32 %) — на семейное положение, в 21 (14 %) — на социальное положение.

 $^{^1}$ Картинки с натуры. І. Наши нищие // Московский листок. 31.08.1896. С. 4. Памфлет; Дневник майора Бревнова. Из подслушанных разговоров // Московский листок. 15.02.1897. С. 3. Памфлет.

На долю женщин приходится 76 (70 %) адресатов, из них по крайней мере 19 (как показывает источник) были главами семейств: вдовы (указана «вдова артиста», «вдова врача», «вдова солдата», «вдова студента», «вдова надворного советника») или матери-одиночки. Лишь одна указана как «одинокая». На мужчин приходится 33 (30 %) упоминания. Из них 11 было обременено семьей.

В трех случаях есть примерное указание на возраст. Так, двое значатся как «больные старики», а один фигурирует как «севастополец», т. е. участник обороны Севастополя 1854—1855 гг., который также может быть отнесен к «старикам».

Только в трех случаях мы имеем точную привязку к «социальному происхождению» — все они относятся к женщинам. В источниках указана одна мещанка, одна крестьянка и одна дворянка («вдова надворного советника»). В 18 случаях имеется указание на род занятий адресатов или их умерших супругов. Указаны пять студентов, четыре актера, три медика (один врач и две фельдшерицы), три учителя, два чиновника (один надворный советник и один десятник) один солдат, один художник и один журналист. Примечательно, что все они (кроме солдата и чиновника) — представители «интеллектуальных профессий» .Эту ситуацию подтверждает и картина В. Е. Маковского (рис. 2). На переднем плане мы видим мужчину с папкой художника.На картине В. И. Навозова «Даровая столовая» (1889) сидящая за столом и стоящая в очереди женщины также «из благородных» (рис. 23).

Таким образом, как показывают данные газет, в наиболее уязвимом положении находились женщины. Именно на них приходится 70 % неимущих, пол которых определен. Это легко объясняется тем, что женщины, тем более обремененные семьей, были менее социально мобильны, чем мужчины. Поэтому они в большой степени нуждались в социальной поддержке.

В социальном плане оказывались под ударом представители «интеллектуальных профессий». Это может быть объяснено тем, что до 1890-х гг. помощь оказывалась по сословному принципу, а разночинная интеллигенция плохо вписывалась в эту систему, и только в рассматриваемый период ситуация начинала меняться.

Интересно сопоставить полученную картину с материалами делопроизводства. В ЦИАМ имеется ф. 1580, озаглавленный «Московское попечительство о бедных». Многие документы, отложившиеся в фонде, попали туда случайно, о чем говорят даже крайние даты дел: наиболее ранний документ датируется 1854 г., а сами городские попечительства о бедных были открыты только в декабре 1894 г.!

Особый интерес представляет дело N° 3 «Книга регистрации прошений, рассмотренных на заседаниях совета попечительства». В книге зарегистрированы: номер прошения, номер опросного листка, ФИО, количество лет, звания и семейное положение (с пометкой количества детей) просителя. Далее в деле приводится смысл просьбы, имя сотруд-

ника, вынесшего прошение на обсуждение, и указание на решение вопроса. Визуально строка выглядит, как показано в табл. 2.

Таблица 2

Фрагмент книги прошений

Номер по порядку	Номер опросного листка	Ф.И.О	Возраст, лет	Звание	Семейное положе- ние	Просъба	Сотрудники	Постановление совета
1	3027	Круглякова Мария Степановна	50	Мещанка	Девица, 1 сын	О продолжении пособия	В. Н. Роза- нов	Отказать
	•••	•••			•••	•••		•••
10	3179	Филиппова Анна	28	Крестьянка	Вдова, одинока	Помещение в бога- дельню, пособие	А. Н. Розанов	В январе и феврале по 1 руб. 50 коп., «старики- канди- даты»

Столь четкая структуризация прошений позволяет провести статистический анализ. Поскольку дело достаточно большое (совет заседал каждую неделю, и всякий раз рассматривалось от 50 до 100 просьб о помощи), дело может быть очень полезно для дальнейшей разработки темы бедности в Москве. В данной работе оно использовано лишь фрагментарно, поскольку хронологически выходит за рамки исследования. Так, были просмотрены материалы заседаний совета 14, 21 и 28 января, а также 4, 11 и 18 февраля 1908 г. При этом фиксировались не все просьбы о помощи, а лишь каждое десятое. Тем самым была получена 10%-ная выборка первых шести заседаний.

В выборке зафиксированы 22 чел., из них четверо мужчины и 18 женщин. Возраст просителей колеблется от 24 лет (замужняя мещанка Л. И. Казакова, мать двоих детей) до 70 (вдовая мещанка А. С. Борисова, мать одного ребенка); в возрасте от 20 до 30 лет фигурирует только 1 чел., от 30 до 40 лет — 7 чел., от 40 до 50 лет — 3 чел., от 50 до 60 лет — 5 чел., от 60 до 70 — 3 чел. В трех случаях возраст не указан.

По социальному положению просители распределяются следующим образом: двое дворян (60-летняя одинокая вдова А. И. Чуви-

кова, и 32-летняя вдова коллежского регистратора¹, мать троих детей Е. М. Крутикова), 13 крестьян, семеро мещан. В семейном плане в выборке 13 чел. — вдовы и вдовцы, шестеро — замужние и женаты, трое — девиц и холостых.

Некоторое гендерное смещение по сравнению с данными московских газет (в числе неимущих фигурирует 82 % женщин) может быть объяснено тем, что в поле зрения благотворительных обществ оказывались преимущественно женщины, поскольку именно они в большей степени ходатайствовали о помощи. Мужчины более инертны. Газеты же оказывали помощь тем лицам, о тяжелом положении которых им писали читатели. То есть в этом случае нуждающимся (в том числе и мужчинам)не приходилось прилагать усилия. По этой причине в адресной помощи неимущим, идущим через редакции газет, фигурирует 30 % мужчин, а через городские попечительства — 18 %.

Что касается социального состава неимущих, то благотворительные общества, в силу определенной традиции, его указывали более четко, газеты ему уже не придавали особого значения.

1.3. Традиционные формы благотворительности

Безусловно, древнейшей формой помощи был непосредственный уход за нуждающимся: поддержка пожилых людей (либо членами семьи, либо членами общины), взятие на воспитание сирот и т. д. Непосредственный уход был освящен авторитетом христианской церкви, проповедовавшей личное участие в судьбе того, кому оказываешь помощь. Однако личное участие (вплоть до взятия на воспитание) возможно лишь в замкнутом обществе, главным образом в сельской, а не в городской среде.

В деревне обычаи помощи ближнему, основанные на личном участии, сохранялись достаточно долго. Можно вспомнить стихотворение в прозе И. С. Тургенева «Два богача» (1878), вынесенное в качестве эпиграфа к настоящей главе. В этом же стихотворении мы видим и две различные этики благотворительности: личное участие, которому следует деревенский старик, и отстраненное участие, характерное для капиталистического общества, которое представлено деятельностью Ротшильда.

Уже в XIX в., в условиях развития капитализма, взятие детей на воспитание стало восприниматься как подвиг (что мы и видим у И. С. Тургенева в «Двух богачах»): человек должен был брать ответственность за жизнь другого человека. Постепенный отрыв от христианской морали, секуляризация общественного сознания, привели к тому, что далеко

¹ Безусловно, чин коллежского регистратора сам по себе не говорит о дворянстве его носителя. В конце XIX в. он давал право только на почетное гражданство. Однако, как известно, значительная часть чиновников происходила из дворян, поэтому в данном случае представляется уместным отнесение Е. М. Крутиковой к дворянству.

не все были способны отдать другому человеку не только свои деньги, но личное время, душевные силы. То, что раньше было нормой, стало восприниматься образованным обществом как нечто выдающееся.

Впрочем, в городе на протяжении всего XIX в. мы можем наблюдать существование обычая брать детей на воспитание, но цифры ничтожно малы. При анализе данных о подкинутых детях за 1895 и 1900 гг., отраженных в газете «Московский листок», было выявлено 1189 младенцев, подброшенных в разных районах Москвы, из них 71 (т. е. менее 6 %) ребенка взяли на воспитание¹.

Другой формой личного участия были разного рода коллективные работы — помочи (или толоки), распространяющиеся на строительство, все виды сельскохозяйственных работ и заготовление запасов². Помочи, пусть и в измененном виде, и сейчас популярны в ряде регионов России. Главный принцип этого обычая: «все у всех», и зиждется он на поочередной отработке на других помочах. Единственной наградой выступает завершающее угощение³.

Конечно, это в значительной степени вид взаимопомощи, но в значительной степени объектом его действия становились немощные (старые и больные) или временно выбитые из привычной колеи люди (например, погорельцы). Заметим также, что этот обычай возможен только в замкнутом социуме, в рамках одного или нескольких близких поселений.

К такого же рода адресной и личностной помощи следует отнести и обычай тайной милостыни. Истоком его можно считать предание о Николае Мирликийском, который разорившемуся человеку трижды тайно подбрасывал в окно кошельки с золотом. Тем самым нуждающийся был спасен, а его три дочери, которых из-за нечаянной нищеты он собирался «отдать... на любодеяние», были успешно выданы замуж.

Православный мыслитель Димитрий Ростовский так прокомментировал это тайное деяние Чудотворца: «Так святой Николай поступил по двум причинам. С одной стороны, он хотел сам избежать суетной человеческой славы, следуя словам Евангелия: «Смотрите, не творите милостыни вашей перед людьми» (от Матфея, 6, 1), с другой стороны, он не желал оскорбить мужа, бывшего некогда богачом, а теперь пришедшего в крайнюю нищету...»⁴

¹ Практически все дореволюционные газеты (в Москве исключением были только «Московские ведомости») подробно фиксировали на своих страницах информацию о детях, подкинутых на улицах Москвы. Эти два года были выбраны случайно, однако уже на их примере можно увидеть динамику явления. Она, к сожалению, не утешительна. Так, за 1895 г. было подброшено 579 детей, из которых 34 (5,8 %) были взяты на воспитание. Через пять лет цифра подкинутых детей возросла до 610, а взятых на воспитание — сократилась до 32, т. е. процент взятых на воспитание снизился до 5,2 %.

² *Громыко М. М.* Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 32—70.

³ Громыко М. М. Указ. соч. С. 31—33.

 $^{^4}$ Цит. по: *Тульцева Л. А.* Тайная милостыня // Православная вера и традиции благочестия у русских в XVIII—XX веках. М., 2002. С. 98.

Тайная милостыня (как тайная помощь) очень долго сохраняла свое значение. В сельской среде она существует и сейчас. Так в д. Двоеглазово Тонкинского района Нижегородской области вплоть до недавнего времени у каждого дома рядом с входной дверью был прибит специальный ящичек для святой милостыньки и вплоть до начала XX в. здесь совершалась «милостыня отай». Про нее говорили: «Самая дорогая милостыня — хлебная. Хлеб — аки тело Христово, соль — аки ум, квас — аки душа, вода — аки Дух Святый»¹.

В Пермском крае самой дорогой милостыней считается милостыня луком — «он всю горечь выводит»². Утратив свое социальное значение, тайная милостыня сохраняет свое религиозное значение и на Южной Вятке. Так, до сих пор известны случаи, когда к дому наиболее грамотного члена братии (речь идет о старообрядцах-беспоповцах) кладут милостыню, и последний должен молиться за подавшего³.

Обычай тайной милостыни в наибольшей степени воплотил в себе христианскую этику благотворительности: анонимность и символичность пожертвований, которые, в силу большого их количества (в обычае участвовали все члены крестьянского мира) были существенным подспорьем для неимущего. Получивший помощь должен был молиться за подавшего, хотя и не знал его имени⁴. Понятно, что и обычай тайной милостыни возможен только в замкнутом социуме.

Другого плана милостыня обычная: «Обычай щедрой раздачи милостыни коренится во взгляде нашего простого народа на хождение с сумою... Он нашел себе поэтическое выражение в народной легенде о том, что Спаситель ходит по земле в образе странника и испытывает души христиан, обращаясь к ним с просьбой о помощи»⁵. Милостыня стала явлением абсолютно универсальным, превратилась в заступницу перед Богом. «Свекор рассказывал, что один запился, а его жена вывела из ада — лошадь с телегой подала как милостыню»⁶, «Нищий богатым питается, а богатый нищего молитвой спасается» — говорили на Руси⁷.

¹ Курзина Е. С. Развитие археографических экспедиций как типа научно-исследовательской деятельности в конце XX — начале XXI вв. (изучение культуры и истории нижегородского старообрядчества экспедициями ИРиСК // Локальные традиции в народной культуре русского севера: м-лы IV науч. конф. «Рябининские чтения — 2003». Петрозаводск, 2003.

 $^{^2}$ Архив межкафедральной археографической лаборатории. Ф. «Верхокамье». Дневник Микитинской, 10.07.1992. С. 71.

 $^{^3}$ Архив межкафедральной археографической лаборатории. Ф. «Южная Вятка». Дневники Высоцкого Н., Ягодкиной Е., 2011. Л. 12.

⁴ Тульцева Л. А. Указ. соч. С. 90—101.

 $^{^{5}}$ Левенстим А. Профессиональное нищенство // Нищенство. Ретроспектива проблемы. СПб., 2004. С. 25—26.

⁶ Материалы к истории старообрядчества Южной Вятки. М., 2012. С. 226.

⁷ «Кому повем печаль мою...»: духовные стихи Верхокамья. Исследования и публикации. Под ред. И. В. Поздеевой. М.: Данилов монастырь, 2007. С. 131. Фрагмент этого же духовного стиха приводит и В. О. Ключевский. См.: *Ключевский В. О.* Добрые люди Древней Руси. Публичная лекция, читанная в пользу пострадавших от неурожая. Сергиев Посад. 1892. С. 3.